

к 556
4

2

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Март 1925 года.

№ 10 (120).

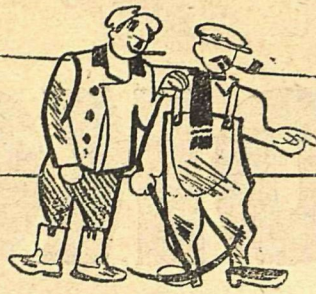
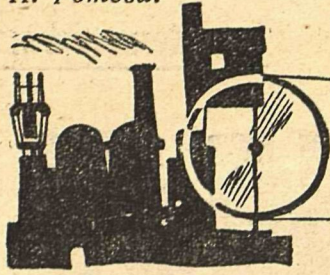
Цена №-ра 20 коп.

КРОКОДИЛ

ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ.

Рис. Ю. Ганфа.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ:— Что это здесь за оборудование?
 ФРАНЦУЗСКИЙ РАБОЧИЙ:— А это, видишь ли, могила Тьера. Он с самого вашего Октябрьского переворота в гробу переворачивается.. Ну, мы к нему приспособили привод, и используем.

НЕВЕРОЯТНЫЙ СОВ-СЛУЧАЙ.

„Иногда вовсе даже нет правдоподобия“...
 Гоголь.

I.

У мещанина г. Весьегонска, Евграфа Дыркина, утопла в грязи корова. Это происшествие, по случаю его незапротоколенности, не было принято во внимание соответствующим начальством,—и с Дыркина Евграфа взыскали коровий налог: за безвременно утопшую корову, как бы за благополучно здравствующую.

Жена Дыркина дважды редела в голос и обливалась горячими слезами: в первый раз—из-за скоростижного конца погрязшей животины, а во второй—по причине несправедливого обложения. Сам же мещанин Евграф Дыркин, под двойным гнетом несчастья и несправедливости, ослабел духом, приналег на самогонное баловство и повел слабодушные речи.

— Эва, жисть-то как наша!..—возглашал он, с точностью до одного миллиграмма определяя этим возгласом всю тяжесть ударов судьбы.—Ды уж и какая же, братцы, это жисть? Так, промежутки свиначий безо всякого просветления... И всегда, надо сказать, наша мещанская цоцловие—самая она незадачная! Заунывная цоцловие, братцы: век работай, век колотырься, а живешь в грязи, и никакого тебе полноправия... А опять же—налог! Это за утоплую-то за корову, которая околешая?! Нет уж,—один, видно, конец: камень на шею, да в тую же грязь головой, или в речку Мологу!..

Слушатели сочувствовали и подкаивали.
 Жена снова обливалась слезами.

II.

А только случилось так, что в г. Весьегонск приехал человек пришлый, человек новый, ярославский рабочий человек. Услышав,—долго ли коротко ли спустя,—Евграфа Дыркина слабодушные речи, ярославский человек сказал:

— Ты это брось! Хотя бы с того начать, что никакое ты не сословие и не мещанин, потому что сословия—семь лет, по восьмому, тому назад—сданы в архив и погребены без религиозного обряда. И есть ты теперь трудящийся гражданин Советской Республики, а трудящимся гражданам предоставлены полные права и защита интересов. Ты это пойми!..

— Эва!..—произнес гражданин Евграф Дыркин.

— То-то, вот, „эва“!—сказал ярославский человек.—Вы, Тверская губерния, надо сказать, слюнявый народ и дальше своей „эвы“ ни до чего не вникаете. А ты, чем слюни возгой распускать, да на кулак их наматывать,—ты первым делом в Совет толкнись!

— Эва!—удивился гражданин Евграф Дыркин.

Вот те и „эва“! Или—и больше без никаких. На то и Советы. Ты для чего в него, в Совет, представителей избирал?..

— Эва!..—еще раз удивился Дыркин.—Да нешто я избирал?..

Ярославский человек махнул рукой, плюнул и заявил:

— Стоеросина ты! Держались бы все вы ближе к советам, так и дело б иначе шло: и грязи бы не было, и корова б твоя не утопла. А вы—что? Какое же возможно оживление советской работы, если навокруг вовсе мертвый народ сидит? Тебя хоть бы взять: ты небось, и не знаешь, где Совет-то у вас!

— А не знаю,—согласился Дыркин.

— Тюр!—сказал ярославский человек.—Ну, дыть город ваш весь-то с лоханку: не то что Совет,—иголку впотьмах можно сыскать... Одним словом, иди! В Совете и правду найдешь.

III.

Евграф Дыркин пошел за правдой в Совет спозаранку, а домой не вернулся ни к обеду, ни к вечеру.

Жена Дыркина, обеспокоившись, пять раз на дню облилась горячими слезами, а вечером изготовилась залиться этою жидкостью в шестой раз. Но провести означенное мероприятие в жизнь она не успела: пришел Евграф Дыркин.

— Нетути,—сообщил он, тяжело вздохнув.—Нигде. Как корова языком! Следа звания даже.

— Это правды-то нетути нигде?..—ахнула жена.

— Не правды, а Совета. Все, как есть, дома и саран обходил, все двери обшмыгал,—слухом неслыхано и видом не видано! Как сквозь землю. И ни синь-дамка!

— У людей-то не спрашивал?..

Евграф Дыркин махнул рукой:

— Весь язык обтрепал! Никто не мог указать. Нетути!..

Жена залилась горячими слезами.

IV.

Невероятное, удивительное, неправдоподобное известие о том, что в г. Весьегонске, на восьмом году Советской Власти, местный старожил Дыркин не нашел следа звания Совета, распространилось по другим городам и попало вот в этот самый рассказ.

Читатели рассказа обиделись:
 — Еще чего навьдумывают: Совета нету!.. И позволяют же сочинять!..

Но как же бы мы стали навьдумывать? Ничего такого не навьдумываешь, а так оно и есть на самом деле: нету Совета! И напечатано об этом в № 39 газеты „Правда“.

„ГОРОД БЕЗ СОВЕТА“.

(Гор. Весьегонск, Тверск. губ.)

„В нашем городке со дня революции нет низового советского органа, хозяйство города находится в плачевном состоянии...“

Грамен.

ЦВЕТ КОЖИ.

„Французский коммунист Дорио в парламенте призывал испанских и французских солдат братья на фронте с марокканцами“.
 Из газет.

— Возможно ли?! Такие речи
 Опасней бомбы и картечи!!—
 Вскричал в испуге депутат.
 — Забыли вы о цвете белом.
 Ведь марокканец ЧЕРЕН телом
 И, значит, БЕЛОМУ не брат!

* * *

Мы поясняем депутату:
 — Помехи в этом нет солдату.
 Цвет кожи—мелочь в наши дни.
 Пусть ЧЕРЕН телом марокканец,
 Пусть БЕЛ француз или испанец,
 Но... станут КРАСНЫМИ они!

Доль.

НА ПУТИ К СЛАВЕ.

— Сценарий мой взяли...
 — Куда, в Госкино?
 — Нет, в будочную. На бес.

В КООПЕРАТИВЕ.

— Говорят у вас Правление работает забористо...
 — Очень забористо. Каждый член Правления забрал товару в лавке тысячи на две...

ДУМЫ ОДНОГО ЗАВА.

Печальная береза
 Одетая в серебро,
 А злой рабкор Заноза
 Вздунул в мой глаз перо.
 Жемчужины мороза
 Сверкают до сих пор,
 А где-то за березой
 Тантся прокурор...

И. Цапкин.

ПАРТБИЛЕТ И ОДЕЯЛО.

(Действительное происшествие).

История нашей революции и партии не лишена различных диковинных событий, причем события эти были в основе своей совершенно серьезными. Ну, скажем, разве не серьезен был перелет Врангеля через Перекон, или Юденича через Северный Ледовитый океан без аэропланов.

А разве не приходилось читать всем нам, какие знаменитые события претерпевал партбилет,—самый обыкновенный, цвета светло-коричневого, выдачи 22 года, партбилет?

События разворачивались в таком порядке: получал человек партбилет, человеку этому было всего лишь 25 лет, через неделю-другую он превращался из молодого в старика. Для этого он делал самые незначительные манипуляции: брал резинку, стирал цифры времени вступления в партию, переправляя 1921 на 1905 год,—и старение готово. Но потом ему делали омоложение, и он оставался совсем без стажа, свеженьким и невинным. Билет же шел в архив.

Или так бывало: получал человек партбилет, через некоторое время шел в кафе-ресторан, напивался пьяным, закладывал партбилет, так как нечем было платить, и ровно через три дня билет исчезал в архиве райкома, как неимеющий своего хозяина (без принадлежности).

Много накопилось таких билетов в архиве Казанского райкома горрайона старых, новых, поношенных, истрепанных, свеженьких, словом, всяческих по внешнему виду.

Казалось бы, какое употребление они должны иметь, как не лежать в архиве пришитыми, приклеенными к делам давно минувшим?

Не тут-то было. Захотелось одному человеку, некоему коменданту, по фамилии Семенову, расшевелить, растревожить старые останки. У Семенова, человека несостоятельного, однажды случилось несчастье: украли одеяло. Загрустил Семенов, и дни ходит Семенов, и ночи—все ищет, все стонет: „где одеяло?“ А одеяла нет.

А раньше еще, до пропажи одеяла, Семенова одолевала одна неотвязная мысль:

— Вот утром встаешь с кровати и ступаешь ногами прямо по полу, а это и негигиенично, да и не под стать коменданту здания райкома без коврика быть. Хоть бы небольшой, но только плюшевый!—так мечталось Семенову ежечасно.

А как пропало одеяло, так желание иметь новое одеяло и обязательно плюшевый коврик выросло до отказа, до некуда.

Скажет читатель—что же особенного, взял бы он да и купил в магазине.

Чудак-человек: да так всякий дурак делает! А ты вот сделай это как-нибудь по особенному, не так, как все делают. А то—купи. За деньги-то всякий...

Однажды ходил Семенов по своим аппаратам и вдруг заметил, что мебель—плюшевая. В голове блеснула гениальная мысль.

На утро у Семенова около кровати лежал мягкий плюшевый коврик, и расплывалось по

лицу его (конечно, не коврика, а Семенова) благодущие.

А тут ему и билеты попались на глаза. Долго он ворочал партбилеты, осматривал их со всех сторон, долго думал, гадал, раскладывал билеты на столе.

Через несколько дней Семенов спал под новеньким одеялом.

Где же и как он его достал?

А вы не обратили внимание, что партбилет выдачи 22-го года, ежели его помочить, так из него получается коленкор?

Умный Семенов, комендант Казанского райкома, взял несколько сот партбилетов, вымыл их и из полученного коленкора сшил себе новенькое одеяло,—такое, о каком мечтал.

Так в историю партбилета вплелось новое историческое событие.

БРОСЬ - ОДЕЖДА.

Каково носить прозадежду, выданную ученикам Саратовской профшколы строительного производства.

М. Бачдин.

РАДИО - ВОПЛЬ.

Я приветствую радио,
Пропагандировать рад его.
(Честное слово—не по заказу—
Лично, сам бы
Нел ему до отказа
Дифирамбы.
В стихах и в прозе,
Любое количество!)
Но... у меня „почило в бозе“
Электричество.
Случилась беда:
Грабители
Радио-любители
Срезали все провода.
А чинить—у домоуправления
Нет ни гроша—известно, окраина!
И мое положение
Прямо отчаянно!
Как мне радио славить?
При свечке—тоска одна!
Свет-то мой увнесла ведь
Тоже „радио-волна“!..
Где-нибудь, свещи на стул
(Этаким фертом!),
Жулики (радио-жулики!)
Наслаждаются радио-концертом...
А у меня—тьма халдейская...
Э-эх! культура рассейская!

Радио—друг сел и городов,
Пусть все заведут его непременно!..
Но зачем, зачем же делать антенны
Из чужих проводов??!

Вас. Лебедев-Кумач.

АККУРАТНЫЙ ЗАВ.

— Иван Иванович, сегодня платят премиальные?

— Да, Алексей Петрович.

— В таком случае передайте моему секретарю, что я буду сегодня ровно в два... Ведь, кажется, в два закрывается касса?

Рис. Ю. Ганфа.

ПО ПРОТЕКЦИИ.

— Ну, Семен Егорыч, в какой отдел вы предполагаете зачислить мою Верочку?

— Конечно, в отдел связи!..

— Барин, возьмите меня в прислуги... Только приехала из деревни... И ночевать негде...
 — А тебе сколько лет?
 — Пятнадцать мне...
 — Взят бы... Да одного годика тебе нехватает.

КАК ПО „НОТАМ“.

Работа сельсоветов протекала в своем большинстве, с агитационным уклоном (загрузка вопросами высокой политики международно-характера и пр.) как Советов, так и обще-крестьянских собраний. Не уделялось внимания земледелию, кооперативному строительству, агропропаганде, культурной работе и разветвляющимся социально-экономическим изменениям села.

В воскресенье в три часа дня было назначено сельское собрание деревни Гнилушки. Мало того, что звонили в колокол, — председатель сам обходил мужиков:

— Приходи, Иван Сидорыч! Не забудь приттить, Петра Поликарпыч!
 — Да что там будет-то? — спрашивали мужики.
 — Насчет пустоша порешим... О школе разговор будет... И насчет улучшений всяких в хозяйстве, — из города приехал докладчик... Приходи...
 — Дела серьезные... Только, небось, опять до этих делов не доберемся, как в прошлый раз?
 — Доберемся! Теперь у нас строго по минутам, докладчик такой хороший: мы, говорит, как по нотам!..

— Ну, ладно!
 К трем вся деревня была в сборе.
 — Повестка дня, — объявил докладчик:
 1) Международное положение.
 2) Договор с Японией.

3) О положении в Китае.
 4) Мопр.
 5) Смычка с деревней.
 6) Подняtie производительности труда... а двадцать первым вопросом стояло: „Переход на многопольную систему“.

— Принимается порядок дня?
 — Как же не принять, коли ты говоришь! Только о многополье-то об этом... Спервоначалу бы... Президиум перешептывается.

— Поставь им этот вопрос, — они с международного положения сбегут.
 — Нет, товарищи, неудобно. У нас порядок: сначала международные, потом внутренние, а потом уж и все остальные... Кто за?
 Неуверенно поднимается десяток рук.

— Кто против?
 — Да мы не против... Только бы...
 — А не против, — значит, принимается... Докладчик Трефимов!..

— Товарищи! Наше международное положение грозит серьезными осложнениями в виду всяких английских дел... И вот, товарищи, эта самая буржуазная Англия...
 Через полчаса доклад кончился.

— Нет ли вопросов?
 — Какие там вопросы!
 — Резолюцию принять надо... Так? Значит единоголосно! Следующий пункт — положение в Китае... Товарищи, мировая буржуазия, не брезгуя никакими средствами...

После пятого доклада мужики, один за другим, надевали шапки и уходили.

Оратор распинался:
 — Итак, товарищи, которые революционеры, гниющие в тюрьмах Америки и Эстонии, а также в польско-румынской застенке, то Мопр... И вот, товарищи...

Восьмой вопрос застал в зале десять человек.
 — Товарищи, приступаю к освещению этого чрезвычайно важного вопроса... Согласны товарищи? Итак, принимаем резолюцию...

За резолюцию голосовало двое. Один из них тотчас же проскользнул к двери.

— Девятый вопрос, — начал было докладчик.
 — Разрешите, товарищ, — сказал единственный оставшийся на собрании слушатель.

— У вас вопрос к докладчику?
 — Ну да, вопрос... Так разрешите, товарищ докладчик: мне по хозяйству отлучиться надо... Я понимаю, что нельзя прерывать, — так уж вы, товарищ, продолжайте... А я пойду... Дело-то у меня... Такое — не могу дольше...

Пошел к двери, потом вернулся назад и до-бавил:

— А как о многополье-то будете разбирать — крикните — я тут же через дом! И Петра Савельева позвать не забудьте — и он этим делом очень уже интересуется...

Собрание продолжалось.

Мих. Мухин.

Долги!

Большой "долг" рабочего класса.

Маленький должок буржуазии.

ВИЛЫ В БОК

О МАТЕ, КАК ТАКОВОМ.

Начальник авто-базы НКПС т. Сви́дерский грубо обращается с рабочими и матершинится.

Ему и бюро ячейки и местком на это указывали, а он попрежнему загибает.

Вот на-днях рабочие просили еще один вентилятор поставить, а то смрад сильный в мастерской получается, когда краску с автомобилей сжигают, а т. Сви́дерский в ответ только еще больше атмосферу гущает, матом кроет.

„Крокодил“ решил дать т. Сви́дерскому недельный срок для пресечения ругани в корне.

А если не справишься, просим извинения, при-чешься тебя, т. Сви́дерский, на вилы подсадить!..

ВСЕ О НЕМ ЖЕ.

А вот еще начальник почты в с. Горках — Павловых, Середского уезда, Иваново-Вознесенск. губ. тоже ведет себя вроде т. Сви́дерского.

Он режиссером местного драмкружка состоит одновременно. Вот он на репетициях единственно чем занимается — мат пускает, по всякому поводу.

Одно можем сказать, хоть он и режиссер, а все-таки не хорошо как-то...

Местные комсомольцы — артисты, пожалуй, следуя заветам своего режиссера, вместо слов пьесы со сцены публику крыть матом начнут...

СЛИШКОМ УСЕРДНЫЙ ФИНИНСПЕКТОР.

Крестьянин д. Алексин, Чаморовск. вол., Вешегонского у., Тверской губ. Кузьма Мухин пришел к своему знакомому слесарю в автобазу НКПС жаловаться на городские порядки.

Тут же и рабкор находился — тов. Тюленев. Он заметку и настроил.

Действительно, Мухин мужик исправный, сельхозналог вносит на два-три дня раньше срока, а фининспектор с него пеню берет.

— Позволь, возмутился Мухин, я плачу раньше срока, а ты с меня пеню берешь.

— Ничего не значит, — изрек фининспектор, — был декрет пени со всех брать.

Такого декрета не было, а вот о внимательном отношении к крестьянину и его хозяйству много постановлений было.

Фининспектор, заруби это себе на носу.

СОЧИНСКИЕ ПОШЕХОНЦЫ.

Что нужно сделать, если крыша протекает?

Ясное дело, починить.

Ну так вот Сочинский Курупр сдал инженеру Сухорукову подряд на починку крыши ванного заведения в Маесте.

До ремонта крыша протекала в 15 местах, а после ремонта... начала протекать в 120 местах.

На то Сухоруков и инженер, чтобы крыши не уметь чинить, а вот интересно, как в Сочи сейчас устраняются. Передали ремонт инж. Глазову, а он... подставил под все 120 дырок в крыше по баку и, во время дождя, служащие бегают взад и вперед выливать воду.

Что и говорить. При такой сообразительности немудрено, что Глазовы и Сухоруковы водят Курупр за нос.

А все-таки не мешало бы Глазову и Сухорукову руки и ноги переломать за такое отношение к делу, или, еще лучше, передать дело местному прокурору.

А тамошнему Курпуру нужно бы нос подкоротить, чтобы не так легко было бы водить его за это самое место.

1920 РУБЛЕЙ В СВОЙ КАРМАН.

Как по-вашему, читатели, не вредно положить в карман за год, ничего не делая, 1920 рублей?

Оказывается, довольно просто.

Нужно взять в аренду на год местную бойню у Коммухоза за 80 рублей в месяц, а потом передать свои права местным мясникам за плату в 240 руб. в месяц.

Таким образом, ежемесячно кладется в свой карман 160 рублей.

Так и сделал гр. Школьник в мест. Чечельник, Тульчинского округа, Подольской губ.

Когда же, после года аренды на этих условиях, Коммухоз назначил арендную плату в 253 руб. в месяц, то Школьник поехал в Окрместхоз к зам. завед. Погодичеву, своему старому знакомому, и все стало по-старому.

Ловко!

О „НЕГРАХ“ СО ЗНАМЕНКИ.

Рабочий пекарни в д. № 19 на Знаменке жалуется нам, что у них „рабочих считают как раньше лет 200 тому считали негров“: „оправляются они на печах, в бутылку, в раздевалке и, вообще, где где сумеет; полотенце на всех одно и, пока в очереди дойдешь до него, руки обветриваются, а потом болят; спецобувь выдали такую, что в тот же день развалилась; зарплату получают с опозданием и проч. и т. п., не говоря уже о грубом обращении с ними вообще...“

Жаловались они в профсоюз неоднократно, но... как видно положительных результатов не добились. Теперь обращаются к „Крокодилу“. (Очевидно, он становится высшей инстанцией даже и по отношению к профсоюзам)...

Ну, что-ж, благодарю за признание... А поэтому — за дело! Эй, Охрана Труда! „Встань, проснись, полымись!“ Профсоюз — „Пищевик“, за пекарями бди!..

Ибо если у пекарей — большие руки да испражняются они „на печах и в бутылку“, то уж какая тут „санитария“!.. Сами вы такого хлеба шамать не стали бы!..

БРЕВНО В ГЛАЗУ.

Есть в Москве хорошее учреждение: МГСПС; учреждение стоит на страже интересов трудящихся, и чуть что, нарушителя и эксплуататора на цугундер! К сведению этого учреждения сообщаем: есть такое место и не так далеко, где трудящихся сильно эксплуатируют. Существует театральный коллектив на 1 госавиозаводе, при клубе „Рабочий Дворец“. Коллектив этот состоит из 32 актеров, а система оплаты труда такая, что даже артисты „первых положений“ зарабатывают в месяц 13—20 рублей — что же говорить о мало квалифицированных! Профработы не ведется, нет месткома, нет уполномоченного. Одним словом — „охрана труда, где ты?“, как пишут в провинциальных газетах.

В чьем же ведении находится этот неохраненный коллектив?

В ведении Т. Х. Б. МГСПС!

МГСПС — вынь бревно из своего глаза!

В Г. П. У.

Из Иваново-Вознесенска пишут:

В деревне Ясунине, Кохомской вол., председатель сельсовета А. И. Корнилов часто выражается так:

— Придет время, когда сорвут власть советов, тогда и я буду колотить большевиков вилами.

А пока „Крокодил“ прикалывает тем же оружием его самого. Ибо сказано: „Хотящий под’яти вилы от вил и погибнет!“

Не даром в сказке говорится, что дело мастера боится...

Сказка-то она старая, конечно, потому что тогда еще фабзавкомов не было. Если бы теперь эту же сказку рассказывать про Вязниковскую фабрику — „Парижская Коммуна“, — то пришлось бы сообщить, что не только дело напугано мастером Никитиным и мастершей Лебедевой, прославившимися понижением производительности труда в мастерских при помощи грубого обращения с работниками, но и фабзавкомом „Парижской Коммуны“. Конечно, напугать дело для мастера — пустяк, на то он и мастер. А вот завком-то.

Впрочем, завком все жалобы рабочих записывает в книгу. Ха-арошая книга, большая. Надолго хватит.

„ОХРАНА ТРУДА“.

При обходе канатного завода „Красный Профинтерн“ в Нижнеднепровске, Екатеринославской губернии охраной труда, профуполномоченный цеха указал охране на ряд недостатков в цеху.

Почесал после этого мастер в затылке:

— Чи увольнить уполномоченного, чи весь цех расчитать.

А на другой день, после долгих раздумий, вы-звал профуполномоченного и ласково ему сказал:

— Придется вам, товарищ, на другую работу пойти, как вы занятой человек. Конечно, там как чернорабочий будете получать, но за то времени больше будет для общественной работы. Я ведь понимаю общественного человека: его от труда охранять надо, — переутомится, бедняга.

ЖИВЫЕ ПОКОЙНИКИ.

Пришел в редакцию „Крокодила“ детина, по метрической системе и то ростом не меньше двух аршин с гаком, а весом чорт его знает сколько. Выдать здоровенный! Во-о!

Пришел и говорит: — Читайте:

Справка.

Дана сия в том, гр. Терентьев, Николай Павлович находился на лечении в больнице с 30 января 1924 г. и скончался 7 февраля...

— Это я и есть Терентьев... Это я, значит, помер... — зарычал, в большом расстройстве, незнакомец.

— Ка-ак?

— Очень просто. Захворал. Отвезли в Боткинскую, быв. Солдатенковскую, больницу, а когда выписался, вот и выдали эту справку... теперь и живи... обидно очень... и скончавшийся 7 февраля Терентьев заругался нехорошими словами...

НА ДОЛГОЙ СТОЯНКЕ.

Рабочие лесозаводов гор. Сталинграда еще в полбре обещали выписать для подшефной волости 300 экз. газеты.

Рис. художка Ю. Смирнова.

НАКЛАДНЫЕ РАСХОДЫ.

Однажды Дмитрий Михайлович, председатель Алтайского сельскохозяйственного кооператива, получил такое письмо:

Добрый вечер, г. Петров!

Вы говорите, чтобы я была с вами знакома, но я согласна только на таких условиях, чтобы была мне польза, а если так крутит, то не стоит такими пустяками заниматься. Если хотите быть со мной знакомым, то пишите письмо, и я приду в лавку—вы мне передадите, но только если придете вечером, то несите больше. Только чтоб гостинцы были подходящие. Приходи вечером к нам на зады, я приду туда как только наши спать лягут. Если вы придете вперед меня, то дождитесь. Только если с гостинцем, а если так, то не ходи. Хотя носи денег...

Ваша Поля.

Кооперативные гостинцы за свою бескорыстную любовь Поля получила, а Дмитрий Михайлович, как человек аккуратный, положил Полю письмо в папку с оправдательными документами. И правильно сделал. Ибо на каждый расход должен иметься свой оправдательный документ, хотя бы и такой, за который впоследствии не оправдают. Прощайте, Дмитрий Михайлович.

ПОД ВЕНЕЦ НА АВТОМОБИЛЕ.

Есть в СССР Сочинское курортное управление. В этом управлении один из сотрудников захотел жениться. Ну жениться, так женись—никому запрета нет. Хочешь у попов, хочешь в Загсе—это где тебе по душе придется. Но Сочинское управление сочло неудобным, чтобы его, сочинского Курупра, сотрудник и вдруг так просто поженился.

— Да ни за что. Да ни почему не допустим такого святотатства.

— Дать ему два автомобиля для поездки под венец к попу.

И что вы думаете, ведь дали, вот так-таки и дали. И поехал жених на автомобиле венчаться. По-венчался. Ночь покутили с гостями, а на утро автомобили те повезли по домам разгулявшихся гостей. На переднем автомобиле ехал жених с невестой, а посреди них—отец благочинный, а на втором—остальные.

Было весело, хорошо, удобно.

А вот, когда ячейка РКП управления попросила автомобиль, чтобы съездить в подшефную деревню, то милое управление не дало.

Чем объяснить такую неприязнь к ячейке?

ГНАТЬ НАДО!

Что можно гнать в деревне? Вы думаете только самогон. Многие можно гнать. Волисполкомщики Пролетарской волости, Ленинградского уезда, предложили, например, крестьянам с. Кукольского:

— Гнать коров.

Гнат в волость за 18 верст по бездорожью. За что, почему? Налог уплачен. Штраф за просрочку гоже. Бросились к председателю сельсовета Ефтереву. От него тот же приказ.

— Гоните коров, а там в волисполкоме объяснят.

Послали ходока в волость, там тот же ответ.

— Гоните коров во что бы то ни стало.

На Смычкино счастье мимо волости проезжал председатель Уисполкома и отменил нелепое распоряжение.

„Крокодил“ полагает, что председатель поступил неправильно. Нужно было не отменить приказ, а заменить его:

Гнать не коров, а гнать вол—ов (Волисполкомщиков).

ВРИ, ДА МЕРУ ЗНАЙ.

Принято думать, что у нас в СССР культурной работы непочатый край, а вот, оказывается, есть и такое светлое место, где все сделано и больше делать нечего, это шахта № 1 Петровского куста, Сталинского округа. Было там партийное собрание и на этом собрании секретарь ячейки шахты № 1, товарищ Тамарина, заявила, что ей с живущими в казармах рабочими нечего делать, все они (110 человек) партийные, все комсомольцы, все политически грамотны, так что ей, Тамариной, делать нечего.

А делать нечего, так зачем даром на шахте № 1 прохлаждаться? Что ж, товарищ Тамарина, если у вас все так хорошо обстоит, то пора и честь знать...

А что под боком в двухстах саженях живут еще 350 рабочих этой же шахты и среди них только один партийный—г. Тамарина забыла, и что клуб в шахте не клуб, а гроб, стоит на подпорках—это тоже Тамариной неизвестно... Да мало ли что еще...

„Крокодил“ г. Тамарину не удерживает. Зачем?

О ЧУГУННЫХ ГИРЯХ и Т. КОСТРОМИТИНОВЕ.

Мы не знали, а оказывается можно переводить метр для измерения по телеграфу.

Что значит остальные люди. Стыдно прямо.

А вот поверьте весов Уралмервеса Костромитинов своим умом до этого дошел.

Приехал он в г. Тюмень для проверки и клеймения торговых метров, а контрольный метр оставил в Свердловске в Палате.

Послал телеграмму в Свердловск, да так и уснул, дела не сделал.

В Свердловске сдают остальные люди, как мы с вами, так и не решились метр по телеграфу посылать. Вообще Костромитинов—человек достопримечательный.

Он забраковал в одной из мастерских чугунные гири, которые пятнадцать минут назад были им же заклепаны, как точные.

Удивительного, впрочем, тут ничего нет. Усохли гири... и больше ничего.

В природе еще не такие случаи наблюдаются. Бывает, что и мозги человеческие усыхают.

ГОРЕ-ИЗОБРЕТАТЕЛИ.

Изобретать—хорошее дело. Но весь вопрос вот в чем: на что направлена изобретательность. Вот истинный случай с тремя изобретателями:

На Ковровском Госзаводе № 4 Влад. губ. есть три изобретателя: старший мастер Далин, обыкновенный мастер Скворцов и приемщик Леперовский. У них рвались детали, и рвались не от чего другого, как от того, что они давали разный металл. Они решили, что деталь рвется от неправильного нагрева и дали распоряжение изменить нагрев на несколько градусов. На их счастье металл попался лучшего качества и деталь не разорвалась. Тогда они получили за изобретение: один 160 р., другой 150, третий 130.

Теперь же, несмотря на изменение нагрева, деталь попрежнему рвется.

Что же изобрели наши изобретатели?

Они изобрели способ вытянуть с завода четыреста сорок рублей.

Такая изобретательность—плохое дело. За такую изобретательность не на красную доску помещают, а на крокодиловы вилы.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ „АНОМАЛИЯ“

Крокодил получил копию с интересного документа. Вот она:

Архангельская Касса Соцстрахования.

ОРДЕР № 010422.

По ведомости назначенных пособий № 286-к выдаче на 7/II—25 года.

Выдать уполномоченному кассы при л/з. № 2 т. Долгобородову.

По беременности женщинам	22.50
На рождение женщинам	14.—
„ „ „ мужчинам	28.—
„ кормление женщинам	395.40
„ „ „ мужчинам	36.—
Всего Р.	495.90

Председат. Комитета Климович.

Очень загадочно.

К СВЕДЕНИЮ.

В ст. Крымской (Кубань) был открыт „Центральный Рабочий Клуб“.

Председательствовал на собрании предрайпрофсекретариата.

Первым пунктом повестки поставили „гипнотизм и ясновидение“, докладчик тов. Лобасов.

После доклада задавались вопросы: „Можно ли под гипнозом забраться на Марс?“

Ответ: „Что делается на Марсе, под гипнозом узнать можно, но под гипнозом быть на Марсе никак нельзя“.

„Почему этой науке не дают расширяться в СССР?“

Ответ: „Республика у нас еще молода“.

Постановили:

„Доклад-лекцию принять к сведению“.

Да... „Республика у нас еще молода“... Но почему же дают в ней „расширяться“ таким предрайпрофсекретариата и лекторам Лобасовым?

Широко живем, чорт возьми!

ВНИМАНИЕ ГЕРОЯМ ТРУДА.

В каждом деле, даже в самом будничном, есть свои художники. Вот, например, в Земельном Управлении Ингушетии какие могут быть выявления художественного воображения? Казалось бы никаких, а

вот Начальник Управления и заведующий с.-х. от делом сумели проявить себя. Им надо было составить отчет. Обыкновенные, бездарные работяги корпели бы над цифрами, фактиками, изысканиями. К чему все это? Ни к чему. Раз есть талант—отчет можно смаху написать. И вышеуказанные администраторы написали:

„Совхозы имеются только специального назначения—значение их признается постольку, поскольку они отвечают своему назначению...“

Крупных в большом размере хозяйств не было, а потому изменения мощности хозяйства от налоговой политики имеются в крайне незначительном размере“.

Представляя составителей отчета к награде, „Крокодил“ дает такое о них заключение: „значение их признается населением постольку, поскольку они отвечают своему назначению“.

Ну как не порадовать родному человеку.

Директор общественных предприятий г. Подольска некто Обидин, несмотря на такую фамилию, не обижает ни себя, ни своих родственника. Так он сократил сторожа Литвинова, а через месяц взял на то же место сестрино мужа непмана: этот сторож по средам и субботам чашками да ложками торгует, а ночью в сторожке библию читает.

Пусть его читает, а Обидину душу все равно не спасет.

КАК ПРИМЕНЯЮТСЯ К ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ СЛУЖАЩИЕ МОСКОВСКОГО ЭЛЕМЕНТНОГО ЗАВОДА В. Т. У.

В гости надо одеваться получше,—чтобы не выгнали.

На службу надо одеваться похуже—тоже чтобы не выгнали.

Рис. художника Чайни и.

МИЛЮКОВ (в Петрограде, в 1917 году):—Как это похоже на французскую революцию!..

ОН ЖЕ (в Париже, в 1925 году):—Как это похоже на русскую революцию...

ИНКОГНИТО.

(Страшный роман в частях и с эпилогами).

I. НА ВЕРШИНЕ СЛАВЫ.

Товарищ Халатов, член коллегии НКПС и сотни разных комиссий, прославился на весь окрестный мир открытием способа—работать без перерыва по двадцать восемь часов в сутки.

Открыв способ и применив его на собственной практике, т. Халатов доработался: не до чего-нибудь особенного, а до острой и неотложной необходимости прервать работу хотя бы на один день.

II. ДЕРЗКИЙ ПОБЕГ.

Звонила, гремела, трещала и верещала сразу сотня телефонов.

— Гдегдегдегдегдегде—Халатов! Без него-же нельзя!

И, мотаясь в столичных ухабах, свирепо кряхтя, ухая, крякая,—носились взад-вперед штук двадцать машин, спешно-срочно высланных за драгоценным изобретателем. Но все было напрасно.

Ибо т. Халатов сидел в это время в купе пассажирского вагона и радостно приговаривал в такт колесам:

— Что, взяли? Хе-хе! Обойдетесь денек без меня-с! Не лопнете-с? Я тоже не кагоржний!

Поболтав оживленно с соседями о Москве, о работе, о том и о сем, товарищ Халатов улегся на диван и...

III. ТАИНСТВЕННАЯ НЕЗНАКОМКА.

„.....Где-то брякнула полночь. И тотчас в дверях сонного купе выросли мрачные тени. А затем незнакомая красная шапка спросила вридушенным басом:

— Этот что ли?

— Он самый-с, товарищ агент!—услужливо прошипел за спиной незнакомки предательский голос начальника поезда.—Страсть от чайнный! Так себя Халатовым и крестит-с!

— Угу. А ну, пробуждайтесь!—непреклонно сказала красная шапка, дернув Халатова за ногу. И вздохнула.

— То-ись, сколь много жулья развелось. Чисто, скажем, микробов, или как их там, тых самых... фимиазмов!

И сурово поторопила:

— Швидче одягайтесь... Айда в отделение Жив-во! Не разсуж...ссссс...

— Да вы спятили?—ахнул испуганный путник.—Я же член коллегии Эн-ка...

Я—Халатов!!

— Во-во!—подмигнула шапка.—За то самое и берем!—И, солидно сплюнув, пожаловалась:

— И где у них совесть, спрашую? Член—говорит! Настоящий—говорит!—Затем, не выдержав, прыснула.

— Ах, ты-ж финик! Ишь-ты! Да настоящие члены разве, братец вы мой, в купях ездют? Самозванец вы, вот ты брат кто! Хо-хо!! Да настоящий-то член в своем поезде ежли катит,—так земля вокруг горит! Телеграф двои сутки трещить! Волос дыбом у линии,—вот он как настоящий-то член путешествует!

ПЕРВЫЙ ЭПИЛОГ.

Выйдя под утро из освободившего его и перепуганного казусом отделения ОГПУ, товарищ Халатов долго и мрачно крутил головой.

— Прокатился!—горько сказал он унылой березе у станции.—Но что-ж теперь делать? А? Билет взять обратно? Опять, чорт возьми, за самозванца сгребут...

Береза молчала. Молчала испуганно станция.

И, в последний раз покрутив головой, злосчастный пассажир вдруг догадался:

— Ура! Потребую поезд сюда, и баста!

И так решив, так и сделал. А сделав, с почетом вернулся в столицу.

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ.

Как ни странно, но все это было в действительности.

И именно с членом коллегии НКПС уважаемым Халатовым.

И именно на Рязано-Уральской дороге, где его арестовали, сочтя за самозванца только потому—

— что он ехал частным, скромным пассажиром.

Леонид Саянский.

Рис. Б. Ефимова.

НАШИШАРЖИ.

ТАЙНОЕ СОБРАНИЕ*.

(Рабочий клуб ГМОЗ Кольчугино).

Видишь, в клубе чуть мерцает
Светит огонек;

Возле рупора собрался
„Тепленький“ кружок.

Все они в глубокой думе
Слушают, молчат;

А рабочие снаружи
У дверей стучат...

Что-ж одни они внимают?

Аль им рупор мил?

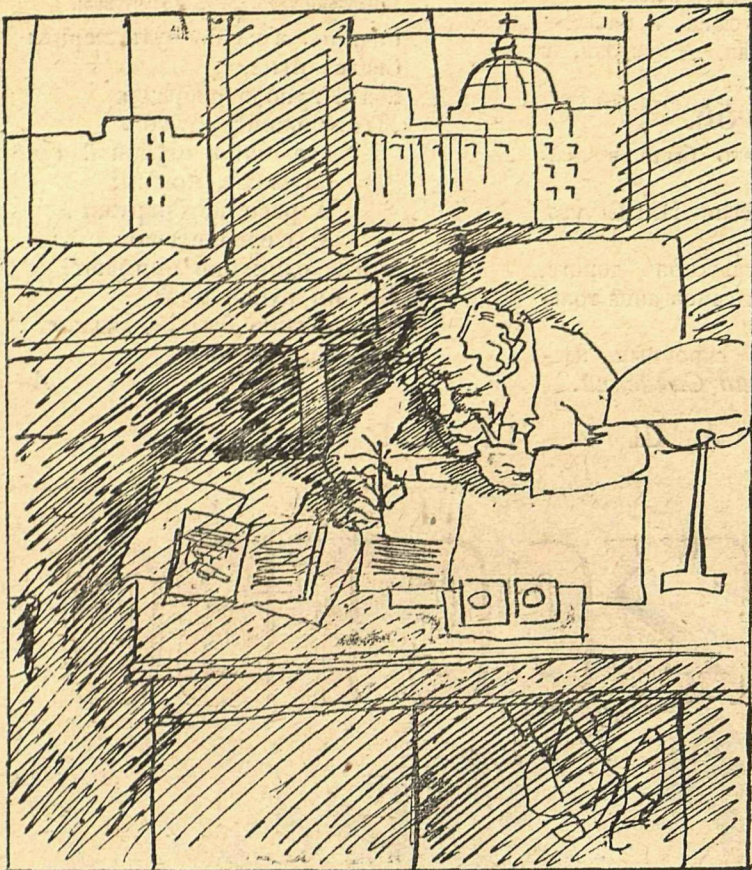
Нет, должно быть, ожидают
Крокодильих вил...

А—с.

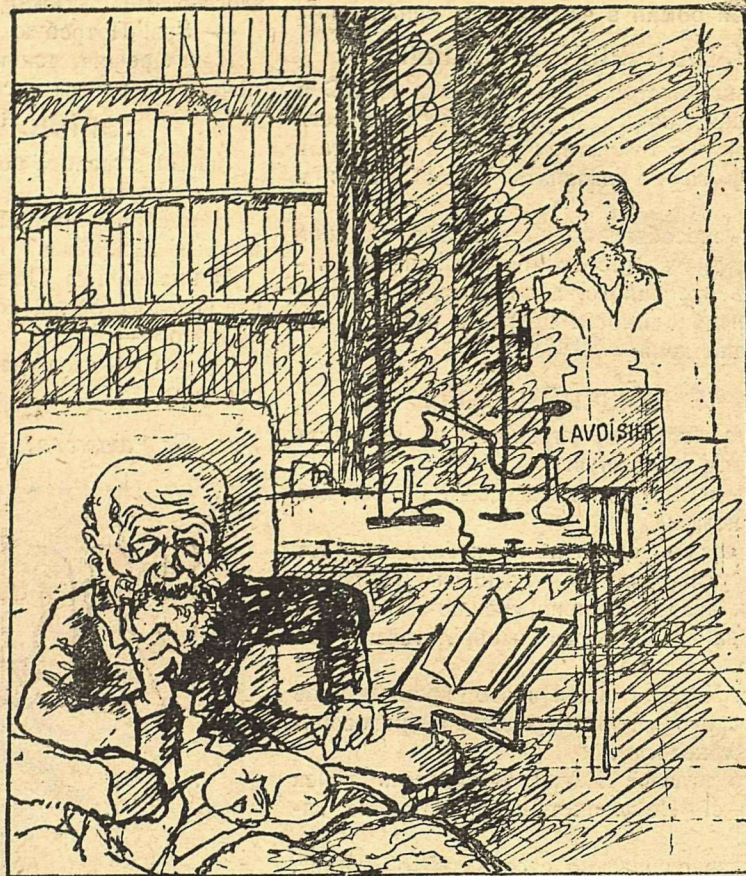

Т. ЛУНАЧАРСКИЙ (читая журнал):—...любовь широких масс к танцу на Руси создала ту необходимую атмосферу, в которой можно развернул крылья хореографический русский гений...*) Вот те и раз! Что за белиберду пишут в этом журнале? И кто, интересно знать, его редактор?

*) Из № 10 журнала „Искусство—Трудящимся“, под редакцией А. В. Луначарского.

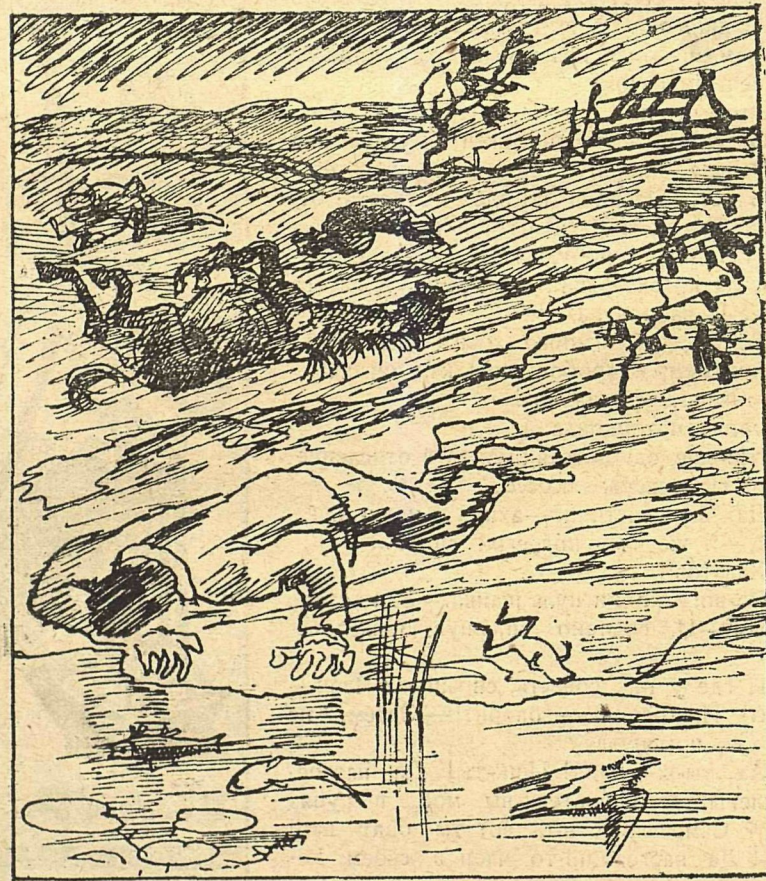
1. Дело было за-границей. Писатель-идеалист, горящий о судьбе человечества, решил написать роман с изображением всех ужасов грядущих войн. Он придумал невероятные, несуществующие способы уничтожения людей. Пусть человечество ужаснется безумию войны,—думал он,—и откажется от этого преступления!

2. Книжка вышла и имела большой успех. — Занимательно, кстати, — сказал старый профессор химии, прочтя книжку. — Автор предлагает некоторые способы обороны, которые стоит разработать.

3. Через год профессор продал генеральному штабу, за солидную сумму, ряд важных военных изобретений...

4. И, в наступившей затем войне, все живое уничтожалось способами, предложенными писателем-идеалистом.

„Э К И П А Ж“.

(На мотив „Шарабана“).

Немецкие бароны торжественно
чествовали барона Врангеля.
(Из газет).

Барон цыганский
(Все дело в ранге-ль?),
Барон германский,
Российский Врангель.

За русь, за веру костями поляжем:
Продам команду, да с экипажем!

О, море Крыма!
Ему не верьте.
Чернее дыма
Тоска в Бизерте.

Скучают пушки... вздыхают ядра...
Ах, экипаж мой, моя эскадра!

Монарх-Кирюша,
Довольно басен!

Париж прекрасен?
В Париже—Красин!

Ах, экипаж мой, матросы флота!
К земле неверных им плыть охота.

Отдам французам
Престол, Кирюшу,
Продам эскадру,
Сойду на сушу.

Кто купит пушки? Кто купит ядра?
Ах, экипаж мой, моя эскадра!..

Шило.

РАДИО-ГАДАНИЕ.

У Маруськи Травниковой из промышленного техникума собралось несколько подруг-однокурсниц. Скоро кончается треть, завтра спрос по товароведению и по физике, и надо подготовиться.

Когда Лиза Колосова взяла книжку Тургенева, чтобы по своему обыкновению погадать о том, как завтра пройдет спрос, — и уже закрыла глаза. — Маруська вдруг истово завизжала:

— Стой, Лизка, стой, погоди! Девченки, знаете, что я придумала? Давайте погадаем на радио! У меня уже четыре дня стоит радио, — Серкежа наш устроил! Идет?

Предложение было принято единогласно. Первой досталось гадать Кате Грачевой.

— Ты о чем будешь? Катька? а?

Но Катя уже напряженно вслушивалась. Вдруг она положила трубку и поглядела на всех широко раскрытыми испуганными глазами.

— Знаете что, мне вышло? Ах, что мне вышло!

— Ну?

— Я задумала насчет завтрашнего дня. И вдруг там говорят: — Мы должны быть готовы к тому, что спрос на эти предметы будет очень большой. Поэтому надо употребить все силы к тому, чтобы... Дальше я не слышала! Провалюсь! Обязательно завтра провалюсь...

— Ничего! Пустяки! Неужели ты веришь? Ну, Лизка, теперь твоя очередь. Ты насчет чего будешь?

— Я насчет шляпки. Я замечательную тут видела шляпочку... только, наверно, дорого ужасно!

— Ну, ладно, ты слушай!

— Ура, ура, ура! У меня будет шляпа! Будет, будет!

— Да что тебе вышло-то?

— Мне вышло: — Очередная панама германского правительства. Запрос в рейхстаге... Панама — ведь это шляпа? Правда? Значит, с меня сначала очень много запросят, — а потом...

— Дура ты, дура! Панама — это значит жульничество. Обман, растрата... Понимаешь?

— Ну? Какое же это имеет отношение ко мне? Во вторник я не была в техникуме — я и дома сказала, что не пойду. Какой же здесь обман?

— А уж не знаю! Ну, теперь моя очередь. Пустите!

— Ты про что? Маруська, ты про что?

— Я гадала... п-ффи!... Постойте! Я гадала про нашего Бычка, про бухгалтера... Вы знаете, он ухаживает за нашей обществоведкой... Пффи! Ну... и вот...

— Так это химик за ней ухаживает!

— Да вы слушайте!... Слушайте!... Там пели частушки... И вот одна частушка... Там поют:

— Пусть бухгалтер служит в тресте, —

Не хочу гулять я с ним,

Я с моим миленьком вместе

Записалась в Доброхим!

В комнате подымается невероятный визг и хохот. Входит улыбаясь, отец Маруськи.

— Вы, что тут бушуете, женотделы? а?

— Мы гадаем, Иван Трофимыч! Гадаем на радио!

— Гадаете? На радио? Как же это?

Начинается шумное объяснение. Снова визг и хохот. И, несколько минут спустя, Иван Трофимыч прикладывает приемник к уху.

— Ну-ка, я насчет сокращения штатов...

Вас. Лебедев. — Кумач.

НА МУШКУ!

1. Старое в новом.

Когда-то всех знаменитых враньем и безграмотностью хроникеров бульварной, желтой печати, — перезнаменитил хроникер „Петерб. Листка“. И, сообщая о гибели старушки под трамваем, дал заметке „ударный“ заголовок:

Бац! и нет старушонки.

Он же озаглавил сообщение о смерти целой семьи, отравившейся рыбою, так:

„Рыбни захотелось!“

„Желтые“ времена прошли. И нет, вероятно, у нас уже и таких „ухачей-хроникеров“, но... Но вот заголовок судебного отчета о тяжелем и мрачном процессе:

По судам московским.

Кто виноват — кто прав,
а человека в живых нет!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОГО ПОДПИСЧИКА.

Рис. Ив. Малютина.

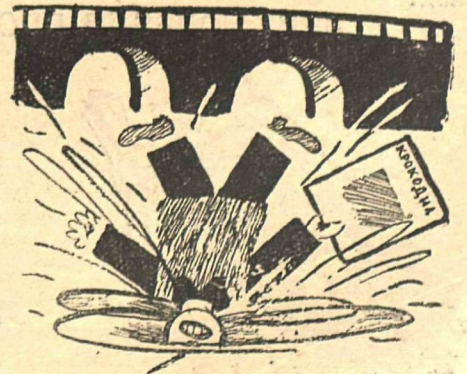
1. Получив свежий номер, он отправился. (Куда — это будет видно в конце).

2. Он был увлечен журналом („Крокодил“, ведь, а не что-нибудь!)

3. Препятствия на пути не мешали ему (фонарь — ворота фонарь!..)

4. Река не смогла прервать увлекательного чтения, и на следующей странице...

КООПЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА.

Рис. Ю. Курьянова.

— А ну, паренек, отвесь мне два фунтика хлеба.
— Извиняюсь, хлеба не держим. Хлеб — он товар не хлебный.

(Кооп-в Прохоровской м-ры при заводе б. Пирвиц).

Развязный и ухарский тон заголовка звучит странно. Но еще страннее то, что он взят из большой столичной газеты...

2. Поздравили!

Впрочем эта же газета на-днях отличилась не хуже, напечатав такую поздравительную телеграмму известному ученому проф. Ломоносову, изобретателю первого тепловоза в СССР:

„Ломоносову, Тепловоз, Берлин.

Сегодня совершена опытная поездка с тепловозом ВЕ № 001 с составом в 1.800 тонн. Результаты блестящие. Получилась уверенность, что тепловоз является действительно жизненным локомотивом, перед которым открывается широкая перспектива. **Приветствуем в вашем лице самого мощного и экономного в мире двигателя на колесах.** Очень сожалеем, что вас нет сейчас с нами.“

(Подписи).

— То-то, чай, старичек на весь Берлин обрадовался! На старости лет „дослужился“ до нового „звания“ и прямо из професоров — в „двигатели на колесах“ попал.

Вывод? Пусть его сделают те, кто небрежничают на почетном посту советской рабочей печати.

Мушка.

ОБЩЕСТВЕННИК.

Он пришел в редакцию благообразный и вкрадчиво-ласковый:

— Могу я видеть товарища редактора?

— По какому делу?

— Видите ли! Может быть, с этим делом и не к редактору надо. Конечно, человек занятой и прочее. Но—я впервые. В советских учреждениях—как дома. Но печать—чужой монастырь. Я, собственно, по долгу гражданина, так сказать, с небольшим разоблачением...

В чем же ваше разоблачение?

— У меня, должен вам сказать, сынок есть,—балованный мальчик. Но, что делать? Единственный. Я, конечно, враг излишеств, и живем мы очень скромно,—жена работает, знаете в этом, как его?—ну, словом, в одном предприятии государственном. Я—свободных профессий. И вот—сыну шоколадку. В Моссельпроме, конечно,—надо же поддерживать госторговлю. И что же? Ребенок кушает шоколад, вижу—картинка. Вот-с.

Он протянул картинку. На картинке нарисован трубач на коне, подписано — „драгун“.

— Ну?

— Вы на обороте извольте ознакомиться: „Армия европейских держав. Германия: мирное время—785.000, военное—2.250.000.“ Конечно, это не гидра, как говорится, но все же. Надо бы к товарищу Чичерину, но я лично с Георгием Васильевичем не знаком, а так итти... неудобно, знаете, как-то. Я и решил. Ведь, могут быть международные осложнения. Нарушения версальского мира и прочее. Заподозреть могут нас в недружелюбии. И санкции. Я газеты читаю—с!

— Позвольте, гражданин! Ведь это же—старье! Старая упаковка и старая картинка. Ерунда все это!

— Я понимаю, что старое. Но—тем более. Нам нужен новый быт. И, кроме того,—докажите Европе, что это—старое! Конечно, вам виднее, но с точки зрения советской общественности, и долг гражданина...

— Чепуха! Тут и напечатано по старой орфографии, разве вы же видите?

Мм! Значит не подходит? Странно! Кстати—о старой орфографии. Было распоряжение,—упразднить и штрафовать. Я сам, так сказать, пострадавший. Моя фамилия—подпишите, если что подойдет, конечно, псевдонимом,—„Красный пролетарий“—, а фамилия моя—Ермилов. Как изволите слышать, начинается с твердого знака. И это—не созвучие, а так сказать—исторически. Еще при Федоре Кошке, при боярине было пожаловано право писаться с ера—Ъмилъвъ, т.-е. два твердых знака,—в конце и сначала. После ммм.. Великого Октября, разумеется—в конце упразднил. Но в начале—историческая привилегия. И что же? Тоже, конечно, упразднил, сохраняя лояльность... Но вот,—на гостинице „Националь“ бывшая, конечно, гостиница, ныне надпись—„Дом советов“ и по-старому с ятем и твердым знаком. А ведь иностранцы посещают Москву! Неудобно знаете... Думаю—фельетончик с изречением из священного писания: „о, маловеры! В глазу ближнего твоего сучок видишь, а у себя бревна не замечаешь“,—простите, точно забыл... Подойдет?

— Нет, гражданин, опять ерунда.

— Не настаиваю! Понимаю—вам неудобно. Но—хотелось бы. Повторяю—не настаиваю. В таком случае—еще на международную тему. Обратите внимание: пересылаю по почте срочным отправлением деловые бумаги через почтовое отделение на Тверской и что же? Выдают квитанцию. Но какого образца? Извольте видеть: двуглавый орел,—эмблема—с! Старая орфография—с,—с ятем и твердым знаком. И написано—ВИЛЬНА. Можете себе представить! Под угрозой весь рижский договор,—Польша—с претендует и аннексирует, мы—против аннексий и вдруг,—явное указание, что считаем своим городом. Конечно, Георгий Васильевич меня лично не знает, но...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

Б. ...оно продолжалось.

6. За плечами подписчика вырос хвост читающих. Так шли они—впереди:

— Слушайте, гражданин, неужели вы с такой ерундой ходите?
— Вы меня извините, товарищ. Я не знаю, что вы в газете делаете, но—простите,—вы, может быть, даже партийный! Я, конечно, не имею партийного билета, но в душе—коммунист. И если мы говорим—лицом к деревне, это не значит—с, извините, что к Европе задом—с. Да—с, молодой человек. Надо считаться. Я проявляю общественный интерес, а вы так относитесь. Надо ценить—с. У нас род исторический, в четвертой книге записаны. И если я иду к вам и предлагаю свою поддержку и помощь,—надо ценить и принять.

Он обиженно повернулся и ушел.

Бедная общественность! Не ценят.

Вл. Павлов.

УГОЛОК КОЛЛЕКТИВНЫХ ПЬЯНИЦ.

(По кроконовским заметкам).

Пьянки организуются по всяким поводам и без всякого повода. Что лучше—судить не „Крокодилу“, а читателю.

Смотрите, читайте.

I.

Есть в СССР город Майкоп. В городе Майкопе есть уполномоченный по улучшению быта детей. Имеется в округе много беспризорных. Задумал уполномоченный, сожалевший над беспризорными, учинить сбор средств в пользу детишек. Решил и устроил маскарад. Были на маскараде гости в масках и без масок. На маскараде было весело. Без масок пили и напились до положения риз. Пили, пели, плясали, потом объявили вальс на приз. Записалось 8 пьяных пар. Присудили не той паре, которой нужно было. Скандал. Жены ответственных целовались и дрались.

Какой баланс получился от этого вечера „Крокодил“ не знает, но думает, что заинтересованные лица ответят.

II.

В день годовщины смерти Ильича на станции Филимоновской, Армавирского округа Кубано-Черноморской губернии, вечером в 6 час. был назначен митинг. Народу собралось много. Через три часа после назначенного времени явились докладчики. Докладчики—то явились, но делать доклад некому было, потому что тов. Панов, предсельсовета, — пьяный; Ерофеев, бывш. председатель сельского совета, тоже пьяный, а тов. Шишакин, секретарь совета, не выговаривает слова „бублик“. Первые два—партийцы. Такие пьянства они устраивают не первый раз. Так было и в Октябрьскую годовщину.

III.

В ночь с 24 на 25 января в квартире помзава гражданина Плотникова (общий жилой дом на госмельнице № 29 в г. Балашове) была устроена вечеринка. Выпивки, закуски, песни, пляски, коньяк, целованье, драки и т. д.—все как полагается. Агент угрозыска накрыл эту компанию. В ней оказались: помзав с супругой (Плотниковы), супруга зава гр. Самыгина, инспектор счетной части хлебопродукта В. Хохлов (хороший инспектор, дружно живет с тем, кого инспектирует), крупчатник мельницы Минаев и др. Сам зав Самыгин за 10 минут до прихода угрозыска скрылся, но потом появился с винтовкой. Что он с ней делал, нам неизвестно. Но вот что сделают с ним и его компанией на этих днях,—мы догадываемся.

Эмба.

7. ... в местное отделение „Рабочей Газеты“ (или в почтовое отделение)—подписаться на „Крокодил“ на вторую четверть 1925 года (вместе с „Рабочей Газетой“—в тремя премиями—3 руб. на 3 месяца).

В ГОСТЯХ У НАЧАЛЬНИКА СТАНЦИИ.

- Замечательно вы, Глафира Ивановна, обставили квартиру!
- Теперь мы еще лучше обставим. Мишеньке вышла прибавка—он будет получать 23 рубля в месяц.

„МИКРОБ НОТ“.

„Дорогая Зиночка!

Мне адски не повезло. Попал под сокращение. Хорошенькое дело. Меня—инженера-организатора в момент, когда вопрос о поднятии производительности наших фабрик и заводов является основным вопросом нашей экономики, и вдруг сократили! Да!, такие вещи могут быть только в нашем безобразном Советском быту. Напишу тебе все по порядку.

В августе явился я к Директору завода „Красный машиностроитель“ с рекомендательным письмом от Коли. Коля рекомендовал меня, как весьма ценного работника, который сможет внести „Микроб НОТ“ на завод „Красный машиностроитель“. И я, действительно, этот микроб внес,—тем более, что платили очень прилично: около 24 червонцев. Создал Оргстанцию. На каждые 15 рабочих поставил хронометриста для записи отдельных движений и прочего. Между прочим, на должно-ли хронометристов удалось устроить Валу, Коку и Сережу.

Организовал заводскую контору. Все делопроизводство завел по карточкам. В общем ввел 47 карточек,—и все по разной системе. На работу по организации карточной системы удалось устроить Манечку, Клавдею и Сафо. Одним словом, старался оправдать Колину рекомендацию.

Но, увы, дело кончилось крахом! Началось с хронометристов. Рабочие на заводе звали их не хронометристами, а, извини за выражение, „хронометристами“, дармоедами и т. п. выражениями, которых, к сожалению, так много в лексиконе нашего рабочего.

Начали поступать заявления в Завком. А тут какой-то рабкор черкнул заметочку насчет нашей канцелярии и буквально написал следующее: „Конечно, микроб НОТ вещь не плохая, но когда вместе с ним на заводе появляются дармоеды, заводская контора вырастает в четыре раза, а производство, благодаря этому, удорожается на 1½%, то этот микроб необходимо срочно ликвидировать“.

В результате—ревизия. Тысячи вопросов. Как? Зачем? Почему? На все ответил блестяще и доказал

ссылками на ученейшие авторитеты свою правоту. Споткнулся на пустяках. Не удалось доказать, что необходимо было ведение воинского учета рабочих по моей широкой системе (между нами говоря, я ее специально придумал для Клавочки). В результате—постановление:

„Признать, что попытка рационализации труда, производимая Оргстанцией завода, вылилась в никому не нужную канцелярщину и привела только к разбуханию штатов заводской конторы и к вздорожанию стоимости продукта. Просить Директора завода немедленно ликвидировать Оргстанцию в ее старом виде, весь излишний канцелярский штат сократить“.

Ну и сократили и меня, и Манечку, и Валу, и всех... Ты не отчаивайся,—раб ту я себе найду. А этого дела так не оставлю.

Пошлю материал в Ц. И. Т. тов. Гасеву: он им покажет, как отрицать систему Тэйлора.

Привет маме и Насте. Целую.

Твой Аркаша“.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

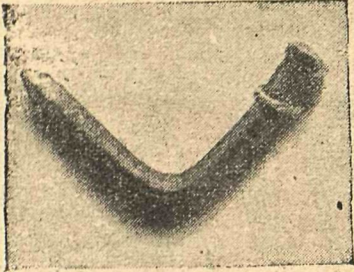
№ 46. УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ ПОЛУШУБКИ.

(г. Казань, управление трамваями).

Знаете, как делается пушка? Берутся дыра и кругом обливается сталью.

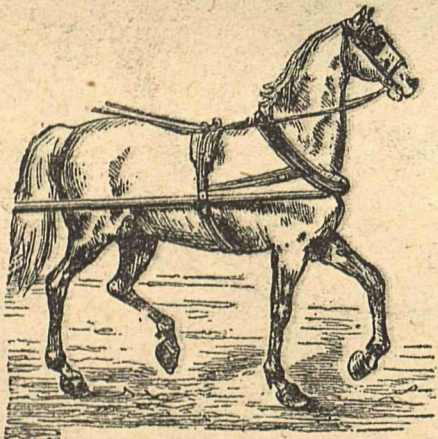
А как делается спецоджда для трамвайных мельщиков в Казани, знаете? Берется 25 дыр и обкладываются прелой овчиной.

Одна из таких дыр у нас тут выставлена.
Тигель.

№ 47. НАРПИТОВСКОЕ МЕНЮ.

У этого гвоздя обширная биография. Откуда он попал в столовую Нарпита, на Таганской пл., — неизвестно. Но факт тот, что в столовой он был вложен в суп (в качестве пикантной приправы), а затем застрял в глотке у обедавшей гр. Новиковой. Извлеченный оттуда соответствующими инструментами, он был направлен в „Крокодил“ и ныне красуется в паноптикуме. Нарпит, отзовись!

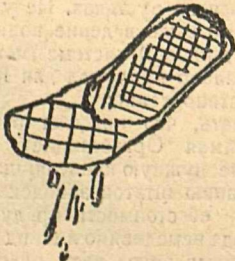

№ 48. ЕЩЕ О ПОМЕЩЕНИЯХ.

(Москва, ул. 1 Мая, д. № 13).

Лошадь, которая не желает поселиться в помещении объединенного месткома № 50 ВССР в Москве, потому что в конюшне обстановка гораздо лучше. А местком себе терпит. Удивительный местком! Ему бы давно пора обратиться в лошадь — да лягнуть, как следует, кого следует.

Н. Чур.

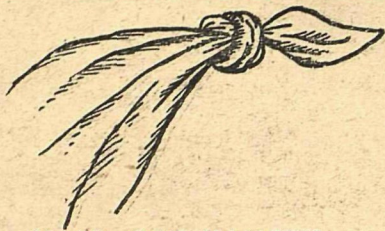
№ 49. ЦЕННАЯ НАХОДКА.

(г. Богородск, Глуховская м-ра).

Чистили куб для кипятка в общежитии № 1 „Радио“. И нашли ни более, ни менее, как выставленный здесь предмет.

Видно, ребята не лаптем щи хлебают. Лапоть у них исключительно для кипяченой воды.

Усов.

№ 50. ДЛЯ ПАМЯТИ.

(Ст. Ковров Моск.-Ниж. ж. д.).

Этот узелок надо завязать на память начальнику тяги на участке Ковров-Владимир, чтобы не забывал накачать водой паровоз рабочего поезда. Если поезд будет каждый день простаивать по 2 часа, а пассажиры на 2 часа опаздывать на работу, то кто заплатит за потерю времени? Вероятно, испанский король.

Крокодиленок.

№ 51. ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ.

(Тейковская ф-ка Ив.-Вознесенской губ.).

Этот рисунок мы с нежностью посвящаем механику по шуровкам т. Кулькову. Пусть и в будущем назначает свои свидания с дамами в рабочее время на производстве. Желаем успеха.

Тейковский.

№ 52. ВОТ И РАССЛЕДУЙ.

(Гор. Грозный).

Если взять этот предмет, разделить его внутри на четыре части и поселить туда камеру народных следователей I, II и III участков, то следователи будут на седьмом небе от удовольствия. Ибо построенное таким образом помещение много просторней, чище, теплее и светлее, чем теперешнее помещение камеры.

А то еще предложение: следователей — в тюрьму, а заключенных в их комнаты. То-то завоюют заключенные!

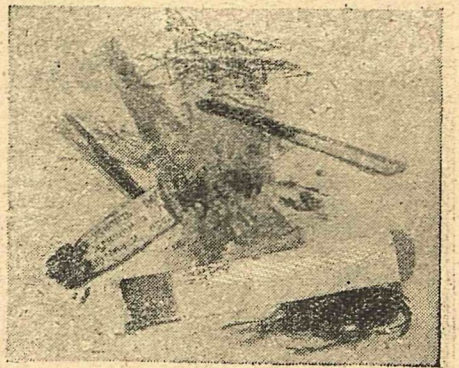
Чистяков.

Товарищи!

С мест поступают запросы некоторых читателей с просьбой объяснить, что значит слово „Паноптикум“. Крокодил объясняет. Это значит — выставка, или музей, где хранятся и показываются различные чудеса и достопримечательности для всеобщего обозрения. Дескать — смотри, народ, какие бывают на свете удивительные вещи!

Крокодил просит читателей внести свои предложения о другом названии, — если найдут нужным переименовать. Дело не в названии — было бы учреждение, где собирать и показывать чудеса природы.

Дирекция Паноптикума: Л. М.

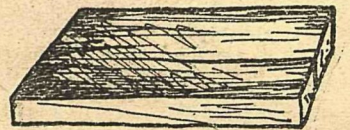

№ 53. ГИГИЕНА.

(Мариупольские госзаводы им. Ильича).

Частица пола в ожидальной комнате заводской больницы. Дальнейшие примечания излишни.

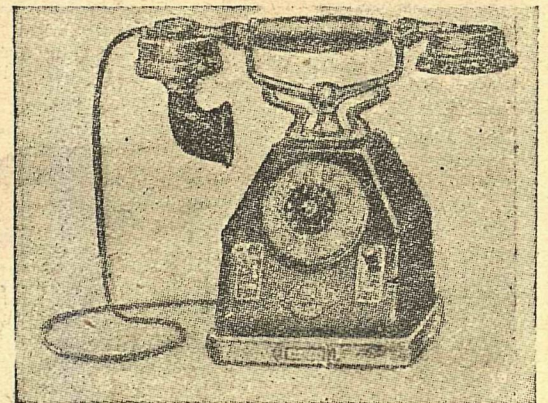
С...кин.

№ 54. ВОЗНЕСЕНСКИЕ РЕДКОСТИ.

(ст. Эсино, Влад. губ., Вознесенский стеклозавод).

Половина из заводского клуба, расшатанная усиленной клубной работой. Надо заметить, что работа в клубе ведется преимущественно ногами под музыку.

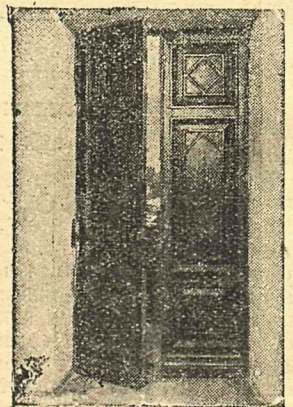

№ 55. СРОЧНО и ТОЧНО.

(Зав. имени Свердлова, ст. Растяпино).

Телефон, по которому предзавкома т. Бабурина ежедневно звонит мастеру механического отдела по поводу своего заказа. А заказ был: подборы к каблукам для одной барышни. Как же не звонить? Барышню надо уважить — значит, сделать точно и срочно.

Жало.

№ 56. ЭКОНОМЬ — НО НЕ ДО БЕСЧУВСТВИЯ!

(Н.-Николаевск, Сибревком).

Двери, которых не могло найти собрание сотрудников, т. к. управдел Сибревкома т. Тихомиров погасил свет. Надо говорит, экономить. Дело было 21 января, на вечере памяти В. И. Ленина.

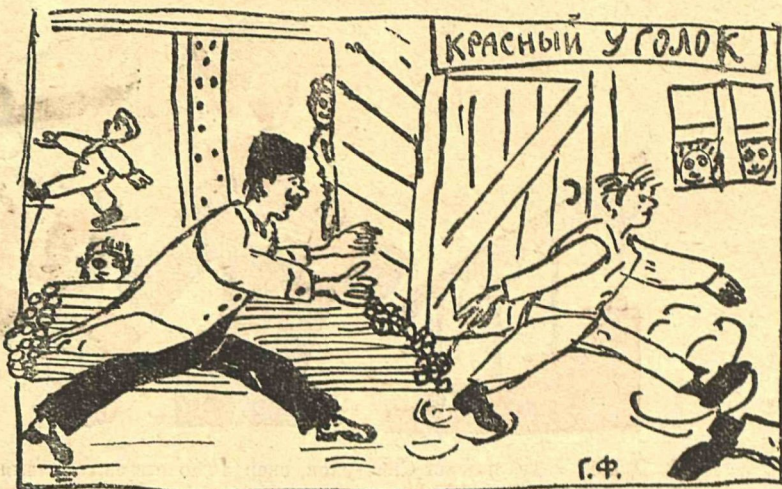
Чтож... Для экономии можно было и вечер огневить. Или Тихомиров не догадался?

Стенкор.

ГОРОДСКИЕ СЛОВА—В ДЕРЕВНЕ.

ПОДНИМАЮТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ.

Рис. художника Фрикса.

— Это, значит, республика наша в железе терпит острую нужду...
— Эх, была, не была! Отдам старый сошник. Может, пригодится.
(Орловская деревня).

— Эй, товарищи, куда вы? Работа стоит!
— А мы, товарищ мастер, в красный уголок. Посидеть да подумать, каким способом поднять производительность труда.
(Цех Манесмана 3-да им. Ленина, г. Екатеринбург).

СОВДУРАКИ ЕЩЕ НЕ ВЫВЕЛИСЬ.

(По корреспонденциям крококров).

Много в СССР совдурачеств,—и совдурачеств самых разнообразных. Бывают они и маленькие, и большие, разница между ними только в объеме. Крокодил не брезгает заверстывать и маленьких, и больших совдурачеств, всех по очереди; преимущества допускаются лишь для особо крупных. Из номера в номер Крокодил будет тянуть «за ушко да на солнышко» совдурачеств всех калибров.

Номер первый.

ИВАН РЕПИН.

Большой чудак был Иван Репин, член артели, за словом в карман никогда не полезет, а прямо за ваганом. Дело было так. Собралась однажды молодежь заготовить дров для культкружка. С одним парнем пришла собака. Репин в это время гостил у родных. Увидел он собаку, и она ему понравилась. А раз понравилась, почему не взять ее себе? Взял Репин ее и запер. Молодежь стала просить, чтобы он возвратил ее хозяину. Репин же вынул из кармана револьвер, наставил его на ребят и закричал:

— Я вас всех, сволочей, перестреляю!
Молодежь спасовала и ушла, оставив «военные трофеи» Репину.

Ну, как же не умный парень этот Репин? Ему бы под стать генералом быть лет этак восемь назад. (Г. Иваново-Вознесенск, кирпичный завод № 1.)

Номер второй.

МОРОЗОВ И. А.

В Вурнарском сыпном пункте, Московско-Казанской ж. д., где хранились десятки тысяч пудов семени, местами начала протекать крыша. Полетели в Чувашский центр бумаги с сообщением о протекающей крыше. Немедленно был командирован для принятия экстренных мер замзавобзу Морозов И. А. (он же чрезвычайный уполномоченный по тушению пожаров). Замоза голова долго не думала: раз, два и готово. Он приказал купить 300 рогов и сена для того, чтобы там, где каплет, повесить эти изобретенные им штуки, которые должны были набухать, как губки, а в солнечное время выноситься наружу и сушиться.

Конечно, центр отменил это и приказал перекрыть крышу.

А что было бы, если б этот Морозов был не зам, а сам зав?

Номер третий.

УЧРЕЖДЕННОЕ СОВДУРАЧЕСТВО.

Уральской губернии
Финансовый отдел
12/1—25 г.
№ 7952.

ЧАПАЕВСКОМУ
(быв. Гурьевскому)
Бюро Профсоюзоз.

Настоящим Налоговое Управление уведомляет, что по протоколу Губревизии, произведенной в Вашем учреждении пом. фининспектора I уч. Чапаевского уезда, Губфин-

отдел постановил подвергнуть должностных лиц Вашего учреждения, виновных в нарушении устава о гербсборе, дисциплинарному взысканию в административном порядке и кроме того обязать их уплатить в двухнедельный срок гербсбор в сумме — « руб. « 06 коп. в кассу Финотдела под установленную квитанцию и об исполнении сего своевременно уведомить.

Зам. Зав. Налоговым Управлением (подпись)
Зав. подотделом (подпись)
За Зав. Отделением (подпись)

Сколько выиграло Урагубфо, видно из следующего:

1) Это учреждение истратило 1/8 листа бумаги на черновик, плюс 1/8 на беловик, итого 1/4 листа.

2) Затратило в течение пяти минут труд канцеляриста и пять минут—труд машинистки.

3) Подпись трех лиц—чего-нибудь да стоит, особенно замзава и зазава.

4) Истрчено 7 копеек (почтовая марка) на пересылку письма и 1 коп. стоит конверт.

Если же принять во внимание, что упробюро пошлет отношение с маркой на письмо, да пошлет эти 6 коп. переводом, да за перевод заплатит,—то выгода для государства несомненная. М. Б.

«ВЛАСТИ НА МЕСТАХ».

Товрищ, проживающий в б. мужском монастыре в Чебксарах, прислал нам письмо, в котором причисляет следующие грехи местной администрации:

1. Милиционером был составлен протокол об антисанитарном состоянии двора на коменданта дома, как на ответственного в данном случае лицо, а Начмилиции, получив этот протокол, оштрафовал всех жильцов, при чем имеющих скот—на меньшую сумму, чем жильцов, «имеющих только пару крыс»...

2. Обисполком, когда наш корреспондент (как «владеющий только крысами») обжаловал наложенный на него штраф, ответил ему, что «наложено законно и формальности соблюдены, между тем самых состоятельных освободил от штрафа».

«Неужели же и Обисполком так близноророк?» вполне справедливо негодует товарищ. Да, очевидно, «близноророк», точно также, как и Начмилиции, ибо не видели, что за свси поступки они получают законное «вилы в бок».

ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК.

Маленький и неважный документ: о зачислении на работу некоего т. Ерохина на Н/Серчинский завод. Сколько вы думаете надо поставить резолюций на такой бумажке?

Вы скажите — одну? — Мало. — Ну две. — Мало! Ну три! — Подымай выше! Четыре!

— Подымай выше! Пять? — Выше!

— Так сколько же, наконец?

— Ровно столько, сколько может поместиться на этой, правда, небольшой бумажке. Поместилось шесть штук, но если бы осталось место, была бы и седьмая.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Москва.

Штурвалу Шильникову } Мелочь, не пойдет.
Гипс }
Кирпич }
И. Быстрый—не пойдет, скучно
Тутощный—попробуй прозой. Стихами не вышло.
Клюгареву—тема уж очень старая не пойдет.

ПРОВИНЦИЯ.

Инвалиду (Вязники) }
Кананашин (Ярославль) } Не пойдет, мелочь.
Грив (Луганск) }
Горный (Саратов) }
Андреевский (Горловка) }
Николаенко (Лубны) }
Савину (Озеры, Моск. губ.)—все то, что написал стихами, попробуй написать прозой.
П. К. (Скрищавевка Донецк. губ.)—стихи не пойдут. Попробуй прозой.
Рашпиль (Ив.-Вознесенск)—зачислен в крокоры. Присланное — мелочь, не пойдет. Ждем материала.
Рабкору (Петровский рудник. Сталинск. округа)—зачислен в крокоры—шли материал.
Боек (Ульяновск)—зачислен в крокоры. Присланное используем. Шли материал из быта курсантов.
Емельянову (Ростов) }
С. Б. (Краснодар) } Слабо, не пойдет.
И. Бельга (Рыбинск) }
А. Скиталец (Владимир) }

ЭРРИО У ФОТОГРАФА.

(Из франц. журнала «Le Rire».)

— Прекрасно, г. Эррио, вы приняли очень хорошую позу... Только... Нельзя ли держать хлеб не так высоко?

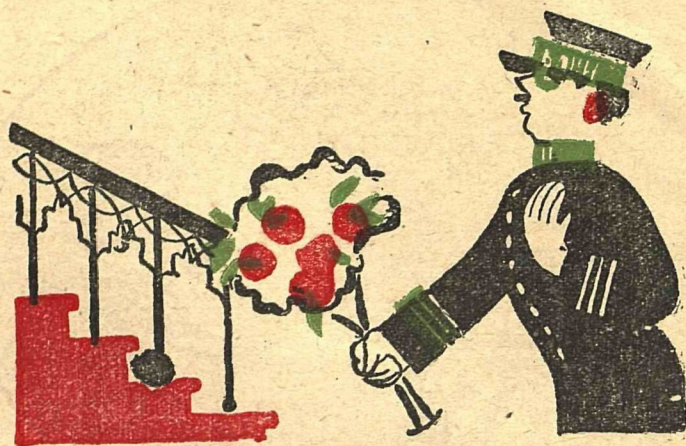
Рис. Н. Денисовского.

ОТ МАРТА 1917 ГОДА—ДО МАРТА 1925 ГОДА.

Текст Блеф.

1. В 1917 году лицеист Свиштунов, сверкая золотыми галунами мундира, входил в под'езд роскошного особняка. В руке он держал ароматный букет роз, который нес очаровательной актрисе. Сердце его билось...

2. С тех пор прошло 8 лет. И почти ничто не изменилось. Так же входит Свиштунов в под'езд роскошного особняка, сверкая галунами, с бьющимся сердцем. Так же несет букет роз для актрисы. Разве только особняк — в Варшаве, сердце бьется не от любви, а от ходьбы, а сам он — лицеист, а рассыльный.

3. В 1917 году у прилавка одного из лучших ювелирных магазинов Москвы стоял породистый аристократ и кутила, барон фон-Дрыгайло-Дрыгайлов. Он выбирал для очередной дамы жемчужное ожерелье...

4. Прошло 8 лет — и почти ничто не изменилось. Так же стоит г. фон барон в магазине, выбирая ожерелье. Разве только магазин — не в Москве, а в Париже, барон — не у прилавка, а за ним, а дама — не любовница, а покупательница.

5. В 1917 году, в Одессе, ад'ютант губернатора, гвардии корнет Мордобойский проводил ночи в кафе-шантане и возвращаясь домой на рассвете...

6. Прошло 8 лет — и мало что изменилось. Попробуем. Мордобойский проводит ночи в шантане до самого рассвета. Разве только шантан — не в Одессе, а в Берлине, он — не корнет, а корнет-а-пистон, и служит не у губернатора, а в оркестре.

7. В 1917 году, в Петрограде, русский царь находился в дворцовых палатах. Его окружал блестящий двор; верная стража ревниво охраняла входы и выходы.

8. Прошло 8 лет — и ничто не изменилось. Также царя окружает двор, стража охраняет двери, и, вокруг него — палаты. Только палаты эти — для буйно помешанных, а двор — обыкновенный больничный. Все это не в Петрограде, а в Кобурге. Да царя зовут не Николай, а ... Уж не помним, как. Много их теперь развелось.

Блеф.